

© 2020

Ирина Петрова

кандидат исторических наук, доцент Московского Государственного Технологического Университета «СТАНКИН» (Москва),
старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва)
(e-mail: irkonst17@yandex.ru)

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ: О ВОЗДЕЙСТВИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ И ЦЕННОСТЕЙ

В статье поднимается вопрос о необходимости научного исследования различных аспектов актуальной массовой культуры в РФ, обсуждаются особенности развития и характерные черты советской культуры, а также воззрения ряда современных авторов в этой области.

Ключевые слова: массовая культура, популярная культура, культурная политика, государственный патернализм, социальные и политические стереотипы, урбанизация, советское изобразительное искусство, стиль «соцреализм», государственный заказ.

DOI: 10.31857/S020736760012972-8

Если значение термина «патернализм» устоялось и понимается более-менее единообразно, то содержание понятия «культура» в гуманитарных исследованиях вариативно, причем эта вариативность сохраняется и при попытках сузить и уточнить предмет научного интереса (например, «молодежная культура», «производственная культура», «массовая культура»). Поскольку последняя как раз является предметом нашего рассмотрения, то сразу отметим, что в спектре значений данного выражения присутствует и «культура масс», и «культура для масс», и «современная городская культура», и «культура повседневности», и «глобальная культура индустриального общества».

Разнятся и представления о процессах формирования массовой культуры — от полной стихийности до планомерного насаждения. При этом первый вариант обычно связывается с высвобождением рыночных тенденций в экономике страны и с развитием представительной демократии, а второй — с той или иной степенью политического авторитаризма и с сильным влиянием государственных структур на экономические процессы.

В то же время, если рассматривать, скажем, рекламную отрасль как часть массовой культуры (будь то коммерческая реклама товаров или политическая реклама программ и кандидатов на выборах), то было бы неправомерно отказывать ей в целенаправленном воздействии на формирование массовых предпочтений. И это справедливо для стран с разной степенью государственного участия в экономике.

Что касается «патернализма», отметим, что в последнее десятилетие стало весьма распространенным утверждение о том, что патернализм и традиционализм являются характерной чертой массового сознания жителей России¹.

Немало публикаций в СМИ, посвященных реформам в различных областях экономики, указывают в качестве основного препятствия для модернизации «пережитки социализма» и в т.ч. патернализм в отношениях индивидуума с работодателем и с государством, традиционализм в сфере образования, в семейных отношениях и в эстетических предпочтениях².

Патернализм и традиционализм нередко рассматриваются как причина неуспешности отдельных проектов. Одним из авторов был даже введен в употребление термин «патерналистский синдром»³.

Вместе с тем, фундаментальные исследования культуры, соответствующей современному российскому массовому сознанию, практически отсутствуют. Как представляется, одна из причин их отсутствия — в том, что в данной области российская ситуация некоторым образом уникальна: на протяжении XX века сброс государственной идеологии произошел в нашей стране дважды. В связи с этим прежде всего требует определенности вопрос о соотношении «досоветской» и «советской» культуры: является ли вторая органичным продолжением первой и каковы, в таком случае, ее стержневые свойства; либо, если считать их явлениями абсолютно чуждыми друг другу и разнонаправленными, то проявления какого именно патернализма и традиционализма — «советского» или «досоветского» мы наблюдаем сегодня? Как известно, единого мнения по данному вопросу у отечественных ученых за прошедшие 30 лет не сложилось.

Другая трудность — в том, что российское общество совершило переход от аграрного к индустриальному типу не в условиях парламентской демократии и «свободного рынка», а в условиях однопартийной системы и государственного контроля над экономикой, в т.ч. над сферой культуры. Этот уникальный опыт требует особенного подхода к анализу культуры советского времени, которую по ряду объективных причин проблематично описать в терминах западной культурологии. Следует также подчеркнуть, что сведение всего многообразия культурной жизни такой крупной страны, каким был СССР, к «тоталитарности»

¹ Темницкий А.Л. Социальные и культурные "скрепы" патерналистской цивилизации в России // Российское общество в современных цивилизационных процессах // СПб.: Интерсоцис. 2010. С. 461–467; Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103; Березуев Е.А., Звонарева Л.В. Квазимодернизация в современной России как противостояние ценностей модернизма и традиционализма // Журнал «Манускрипт» Т.12, № 1. 2019. Тамбов, Изд. ООО Грамота. С. 93–98. ISSN: 2618-9690.

² НИКОВСКАЯ Л.И. ГРАЖДАНСКИЙ СИНДРОМ // НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА. 02.12.2014

URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2014-12-02/15_syndrome.html; Снеговая Мария. Патернализм как часть непродуктивной культуры // Газета Ведомости, 15. 04. 2015 / Мнения. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/16/paternalizm-kak-chast-neproduktivnoi-kulturi>

³ Разинский Г.В. Синдром патернализма в сфере трудовых отношений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2012. №13 (37). С. 20–23.

не способствует лучшему ее пониманию – скорее, оно представляет собой попытку уйти от проблемы (примерно таким же образом полвека назад антиобщественные наклонности некоторых советских граждан именовались «родимыми пятнами капитализма» и объяснялись «тлетворным влиянием Запада»).

Условия, в которых частично складывалась, а частично – насаждалась «сверху» культура индустриального города в СССР, были в корне отличны от тех, которые стали предметом анализа европейских и американских ученых в первой половине XX века.

Российский философ А. Захаров, например, отметил в одной из своих интересных, хотя и несколько противоречивых, статей, что советское массовое сознание соединяло определенные черты, свойственные как индустриальной, так и доиндустриальной культуре России, но «...запутавшись в дефинициях «народа» и «массы», отечественная философская, общественная мысль не сумела с самого начала занять правильную позицию в отношении данного феномена. Вследствие этого систематические исследования массового общества и культуры в нашей стране не проводились, а их оценки, вплоть до настоящего момента, нередко давались в искаженной перспективе»⁴.

Особенно сильным, по его мнению, было влияние традиционной докапиталистической культуры в сферах идеологии, политики и морали. Оценивая советскую модель массовой культуры в целом как культуру мобилизационного типа, он полагает, что «по мере эволюции советского общества, его культура все более сближалась с потребительской массовой культурой западного типа». И, в конечном итоге, приходит к выводу о том, что «в настоящее время в российском обществе можно выделить уже не два, а три исторических слоя – традиционная, массовая индустриальная и постиндустриальная культура» (относительно последнего компонента среди российских гуманитариев имеются некоторые сомнения)⁵.

А. Захаров утверждает, что в отличие от западной массовой культуры, опиравшейся, в первую очередь, на «средний класс» и выражавшей его потребности, в советской России массовая культура социально ориентировалась на потребности «нижнего класса»; отвергался набор ценностей западного общества – *достаток, индивидуальный успех, комфорт, благополучие семьи, стабильность, порядок* – которые были объявлены исторически бесперспективными, «мещанскими». Но, пожалуй, последнее в какой-то мере справедливо только для начального этапа существования СССР, и то было в большей степени приложимо к тому социальному слою, который считался политическим и культурным авангардом тогдашнего общества, т.е. к членам и кандидатам в члены ВКП(б).

⁴ Захаров А.В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 3–16.

⁵ См. Орлов В.В. Постиндустриальное общество и Россия // Философия и Общество. 2003. № 3. С. 78–89.

Комментируя в газете «Ведомости» результаты исследования экспертного центра HeadWork Analytics, ведущиеся с 2007 г., делится с читателем своими соображениями политолог М. Снеговая: «Возможно, России действительно не везет с руководством — к власти постоянно приходят правители-консерваторы. Но вероятнее, что сама социально-экономическая структура страны способствует воспроизводству патерналистского характера власти. Его воссоздание идет не только сверху вниз, но и снизу вверх. ... Патернализм российской системы власти лишь часть непродуктивной традиционалистской культуры, которая воспроизводится во всех областях жизни общества. Он характеризует не только политическую, но и социальную, производственную и личную жизнь». Источник проблем, по мнению М. Снеговой, лежит в советской системе, которая законсервировала патерналистский уклад крестьянской общины, распространив его на экономику и политику за счет системы распределения социальных благ через предприятия⁶.

Такой подход в наши дни весьма популярен в журналистской среде, но нам он не представляется основательным. По личным впечатлениям ныне живущих россиян, идея о переходе на хозрасчет и последующем акционировании государственных предприятий, как и весь начальный этап экономической «перестройки», были восприняты населением СССР нейтрально или с благожелательным любопытством. Однако, для рядовых граждан попытки заняться предпринимательством почти сразу же натолкнулись на непреодолимые трудности в виде обесценения как ваучеров, так и многолетних рублевых сбережений, а захлестнувший страну вал преступности и отсутствие подготовленной социальной «сети безопасности» перевели возможные риски в разряд неприемлемых.

Характерно, что известное исследование В. Магуна и М. Энговатова показало резкий всплеск интереса молодежи к предпринимательству в начале 1990-х, но без последующего роста⁷.

По наблюдениям авторов, желание занимать высокую должность или иметь свой бизнес в 1990-х оказались тесно связаны: чем выше карьерные притязания, тем чаще молодые люди отмечали, что их привлекает возможность создать свое дело, быть его хозяином: согласно данным опросов 1995 и 2001 годов, более 80% тех, кто хотел руководить предприятием или занимать еще более высокий пост сообщили, что предпочитают быть хозяином, а не наемным работником.

Авторы исследования указывают, что с 1995 по 2001 гг. роста обобщенного индекса притязаний не наблюдалось (а в одном случае отмечено даже его снижение) — и это составляло резкий контраст с десятью предшествующими годами непрерывного роста.

⁶ Снеговая Мария. Патернализм как часть непродуктивной культуры // Газета Ведомости, 15. 04. 2015. Мнения. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/16/paternalizm-kak-chast-neproduktivnoi-kulturi>

⁷ Магун В.С., Энговатов М.В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985–2005 годы / Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып.6. // М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 197–219. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1054>

Подобный интерес фиксируется некоторыми исследователями и сейчас, но скорее умозрительный, чем практический. То есть, люди оценивают предпринимательскую деятельность положительно, однако, исходя из предшествующего опыта, предпочитают высоким, но негарантированным доходам – более низкие, но стабильные. И это неудивительно, принимая во внимание нынешний возраст «перестроечной» молодежи: у поколения 1970-х сейчас уже взрослые дети, которых родители ориентируют с учетом личных впечатлений, вынесенных из прошлого. На наш взгляд, эти простые житейские наблюдения гораздо больше влияют сегодня на выбор пути молодежью, чем пресловутые традиции «самодержавия и тоталитаризма».

Вместе с тем, представляется, что неприятие традиционалистских и патерналистских тенденций более категорично провозглашается в прессе, чем в научной литературе, где, как минимум, дополняется некоторыми оговорками.

Так, в совместной работе Г. Разинского и М. Геташвили оговаривается, что «в своих основных проявлениях патернализм находит свое проявление в той же триаде, которая характерна для культуры как способа, технологии освоения социального мира: в условиях, ценностных ориентациях и социальном поведении тех субкультурных страт, которые консервируют status quo ante, противостоя тем субкультурам, которые нацелены на развитие»⁸.

В противоположность упомянутым авторам, петербургский философ Г. Тульчинский мимоходом замечает: «Исторический опыт упорно показывает роль и значение традиционной культуры как важнейшего условия и предпосылки инновационного развития. Так было в Японии, так происходит в Китае. Там коллективизм почему то не помешал, а даже помог этим странам совершить успешную модернизацию. Ярким примером опоры на имперскую культуру является Сингапур. Так и в российской традиционной культуре заложен колоссальный потенциал»⁹.

Можно лишь сожалеть о том, что в настоящее время этот потенциал оценивается, в основном негативно (возможно, причина тому – чрезмерная увлеченность журналистов историями карьерного взлета «звезд» хайтек-индустрии, преподносимых в весьма упрощенном виде). В то же время, положительный опыт использования культурных традиций стран Азии явно недооценивается. По-прежнему редки в отечественной науке исследования социокультурных процессов, протекающих в обществах Востока – в Турции, Иране,

⁸ Разинский Г.В., Геташвили М.А. Культура и патернализм. Единство в противоречии. // Вестник ПНИПУ. Социально-Экономические науки. 2017, № 3.

По мнению авторов, так проявляется «“оппонентность”, внутренняя противоречивость патерналистского инварианта культуры как способа освоения общества, когда, с одной стороны, он оказывается накопителем и хранителем достигнутого, репродуцируя прежние достижения этой триады в ткань будущего социального устройства, а с другой – создавая барьеры для преодоления негативной составляющей и тормозя необходимые социальные, в том числе и социокультурные трансформации общества»

⁹ Тульчинский Г.Л. Российская культура: почему она такая и что с нею делать // Философские науки. 2010. № 3. С.77.

в арабских странах, и даже у экономических «тяжеловесов» — Китая, Японии, Индии.

Среди этих немногочисленных, но тем более интересных работ хотелось бы отметить обзор Е. Катасоновой, посвященный молодежным субкультурам Японии¹⁰, а также сборник «Портрет современного японского общества», совместно изданный Институтом Востоковедения РАН, Японским фондом и Центром изучения современной Японии. Две статьи в нем посвящены корпоративной культуре и трудовой этике японцев, а именно — «Корпоративная культура Японии: общее и особенное» И. Тимониной и «Трудоголики» в производственном интерьере» Т. Матрусовой¹¹.

Немалое внимание в них уделено традиционному патернализму и взаимоотношениям между работниками в рамках модели «семейной» корпоративной культуры, которая в японском варианте «отличается своеобразным сочетанием эгалитаризма и иерархичности».

Интересно, что японскую традицию управления бизнесом приводит в пример также экономист С. Мелман, отдавая ей предпочтение перед американской, в своем труде «Корпорация «Война»» (см. раздел «Разные стили управления: как «Мазда» и «Крайслер» борются с кризисом в автомобильной промышленности»¹²).

Иллюстрируя свою позицию, С. Мелман приводит такие цифры: ввиду крупных убытков «Крайслер» уволил почти треть рабочих и 7% служащих, с сокращением до 10% заработной платы топ-менеджменту — но это мало ему помогло. Фирма была в конечном итоге продана концерну «Даймлер-Бенц», а затем (уже как его подразделение) — итальянскому «Фиату». Политика «Мазды» была противоположной: несмотря на большие убытки, «Мазда» предприняла техническое перевооружение с частичной роботизацией производства, но для сохранения рабочих мест перенаправила 5000 сотрудников в сервисные и торговые точки на период частичной приостановки производства; зарплаты рабочих не пострадали, хотя выплаты менеджерам высшего звена были урезаны почти на 20%. В итоге, «Мазда» за семь лет вдвое увеличила производительность труда и вновь стала прибыльной.

Выводы Мелмана таковы: «В Mazda руководство распространило на персонал неявное понимание того, что они, производственные рабочие, наиболее заинтересованы в существовании предприятия, и что обеспечение защиты этого интереса является обязанностью руководства. В отличие от этого, руководство Chrysler относилось к производственной рабочей силе как к «товарам», выбрасывая на «рынок» те, которые не нужны для планов руководства. ... Эффекты

¹⁰ Катасонова Е.Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры // М.: Вост.лит., 2012. 357 с. ISBN 978-5-02-036522-3.

¹¹ Тимонина И. Л. Корпоративная культура Японии: общее и особенное; Матрусова Т. Н. «Трудоголики» в производственном интерьере // Портрет современного японского общества / Рук. проекта Э. В. Молодякова // М.: АИРО-XXI, 2006. 288 с. (С.111–128; 129–145).

¹² Melman Seymour. War Inc. // The Vanderbilt University online journal AmeriQuests. Vol. 5 No. 2 (2008). Chapter 3: Deindustrializing the US: The War Against American Workers.

этих противоположных подходов достаточно очевидны. В Mazda менеджменту была практически гарантирована полная поддержка со стороны сотрудников, включая сотрудничество во внедрении и использовании новых технологий. В случае с Chrysler этого едва ли можно было ожидать на фоне долгой конфронтации между руководством и профсоюзами. Еще неизвестно, смогут ли американские производители автомобилей извлечь уроки из своих прошлых ошибок».

Положительно оценивает японский стиль управления также Р. де Марикур в статье «Патернализм в Японии и на Западе¹³».

Он противопоставляет общее негативное мнение французской прессы реальной практике, наблюдаемой на японских предприятиях.

Патернализм во Франции, по словам де Марикура, «вызывает в памяти скверные воспоминания: начало индустриализации, XIX век, люмпен-пролетариат больших городов, эксплуатируемый всемогущими нанимателями... Напротив, в Японии, — пишет он, — “*onjo shugi*”, местный вариант патернализма, открыто и широко практикуется на предприятиях, будучи приемлем и даже востребован большинством служащих. И, кажется, он дает хорошие результаты в экономике столь же развитой, как и наша. Возможно, следует считать такой подход более эффективным, чем мы предполагаем? Этот вопрос возникает, поскольку «японская модель» вписана в китайскую конфуцианскую традицию, свойственную нескольким странам Востока с весьма динамичной экономикой, и эта модель продолжает доказывать свою эффективность уже после того, как в достаточной мере подтвердила ее в Японии».

Таким образом, утверждение о несовместимости прогресса с патерналистскими тенденциями в управлении — далеко не бесспорно, и в значительной мере опровергается практикой. Как видно, в некоторых случаях наследие прошлого играет положительную роль, ускоряя и упрощая внедрение новых технологий.

Ввиду того, что Советский Союз существовал в условиях идеологического противостояния странам Запада, советское искусствознание выработало собственный набор терминов для анализа различных типов культуры и соответствующих явлений. Их описание соотносилось с положениями такой дисциплины, как обществоведение, которое, в свою очередь, опиралось на разработанную К. Марксом и его последователями теорию классовой борьбы и смены общественно-экономических формаций. Исходя из положения Маркса о культуре как части «надстройки» над экономическим базисом, важнейшей характеристикой произведений искусства считалась их способность выражать классовые интересы и специфические вкусы «прогрессивных» и «реакционных», с точки зрения марксизма, общественных групп. Соответственно, термин «массовая культура» имел в СССР отрицательную коннотацию, как порождение буржуазного общества (что, в целом, не противоречило его первоначальному смыслу).

¹³ *Renaud de Maricourt. Paternalisme au Japon et en Occident // Études 1996/2 (Tome 384), pp. 161–172.*

В настоящее время кажется неправомерным принципиально противопоставлять «стихийно возникшую» массовую культуру послевоенного западного «общества потребления» — «управляемой» культуре советского типа, на том основании, что первая будто бы являлась стопроцентным отражением потребительских запросов, в то время, как вторая будто бы полностью навязывалась политическим руководством СССР. Очевидно, что и усредненные вкусы потребителей, и потенциальная выгода производителей учитывались в обоих случаях, а представление о том, что в СССР «государство заставляло всех граждан носить одинаковую одежду и любить одну и ту же музыку» является таким же расхожим клише западной пропаганды, как и советское клише о «навязывании западной рекламой недоброкачественных товаров».

Однако, сделавшись предметом научного обсуждения, термин «массовая культура» был затем неоднократно переосмыслен и перетолкован. В течение последующих десятилетий модернизм в искусстве уступал место минимализму и др. направлениям, промышленный дизайн выделился в самостоятельную сферу деятельности, возникали и распространялись новые термины — такие, как *китч*, *гламур*, *андерграунд*, *концептуализм* и др. Совершенствование старых (типографская печать, фото- и киносъемка) и появление новых технических средств (таких, как телевидение и запись звука на виниловый, позднее — магнитный носитель) привели к возникновению новых культурных пространств. Следствием всего этого стало, в конечном счете, размывание оппозиции «массовость — элитарность» в сфере изобразительного искусства, литературы и музыки.

В качестве положительной стороны этого процесса можно отметить рост интереса к феномену массовой культуры как таковой и, особенно — к ее роли в формировании личности как социальной единицы индустриального общества.

Таким образом, термин «массовая культура», на наш взгляд, вполне применим к культуре, преобладавшей в СССР в 30–70-х годах прошлого века. При этом, однако, следует уточнить, что художественное оформление важных политических мероприятий в СССР весьма жестко контролировалось государственными органами, а посвященные им произведения были насковозь пронизаны официальной идеологией — таковы, например, «парадные» полотна А.М. Герасимова и Г.М. Шегалея, посвященные Второму всесоюзному съезду колхозников и ударников труда, групповые портреты политических и военных деятелей и др.

Возвращаясь к «патерналистскому синдрому», или поведенческому и ментальному паттерну, общему для «верхов» и «низов» консервативных обществ, отметим: тенденции государственного патернализма в области массовой культуры так или иначе отмечены во всех странах, вовлеченных в «догоняющую модернизацию» — от Японии и Китая до Ирана, Индии, Турции и арабских стран¹⁴.

¹⁴ См. например: Паин Э.А. Социокультурный капитал в стратегиях управляемой модернизации: сравнительный анализ иранской и турецкой моделей // Terra Economicus, 2014, Т. 12, № 3. С.118–134.

В этих странах отказ от многих исторически укорененных практик и приспособление больших масс населения к новым условиям труда в ходе модернизации потребовал огромной разъяснительной работы, проводимой не только чиновниками соответствующих ведомств и местными активистами, но и авторитетными общественными и религиозными деятелями, журналистами, актерами и художниками. И ранее, и в настоящее время важнейшая роль в популяризации целей и задач различных социальных программ отводится визуальным искусствам – таким, как фотография и кинематограф, газетная карикатура и книжная иллюстрация, монументальная и станковая живопись, граффити, плакаты, листовки и др.

Трансформация массового сознания и, соответственно, массовой культуры в нашей стране была обусловлена не только внедрением новой модели политического устройства общества, но и ускоренной индустриализацией, втягиванием огромного количества людей в новые для них бытовые условия и социальные отношения.

Приток т.н. «отходников»¹⁵ на стройки первых пятилеток многократно увеличил незадолго перед тем возникшую общественную группу, или прослойку, «новых горожан», прибывших из сельской местности, но занятых в городе уже не на сезонной, а на постоянной основе.

Их интеграция в городскую культурную среду, сама по себе представлявшая большую проблему, растянулась на десятилетия. По ходу этого процесса первоначальные планы революционной интеллигенции по созданию «рабочих коммун» были серьезно скорректированы, и начиная с 30-х гг. власти пошли на некоторые уступки тем настроениям и вкусам, которые прежде считались «мещанскими».

В этом отношении показательны материалы, собранные Б. Лебиной о повседневной жизни ленинградцев в 1920-х гг., и в частности – о попытках «обобществления быта» в импровизированных комсомольских общежитиях и домах-коммунах.

Например: «...Журнал "Смена" писал о жизни в бытовых коллективах: "Всем распоряжается безликий и многоликий товарищ-коллектив. Он выдает деньги на обеды (дома только чай и ужин)... закупает трамвайные билеты, табак, выписывает газеты, отчисляет суммы на баню и кино". Кое-где из общей казны даже оплачивались алименты за разведенных коммунаров. Как и в начале 1920-х, в большинстве коммун доминировали аскетические принципы быта. Запрещалось, например, по собственному желанию на дополнительно заработанные деньги покупать себе вещи без санкции коллектива»¹⁶.

Как известно, десятилетие подобных экспериментов закончилось их осуждением на XVII съезде РКП(б), с формулировкой: «Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет марксистского

¹⁵ Отходник – крестьянин, уходящий на сезонные работы в город (словарь Д.Н.Ушакова, разн. изд.)

¹⁶ Цит. по: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. С.103 электронного издания (параграф 3 «Коммуна»). Автор ссылается на выпуск журнала «Смена»: 1929. № 19. С. 2–3.

социализма и увлечение уравниловскими тенденциями сельскохозяйственных коммун доходила одно время до того, что они пытались насадить коммуны даже на заводах и фабриках, где квалифицированные и неквалифицированные рабочие, работая каждый по своей профессии, должны были отдавать зарплату в общий котел и делить ее потом поровну. Известно, какой вред причинили нашей промышленности эти уравниловско-мальчишеские упражнения «левых» головоотяпов»¹⁷.

В объемном исследовании, посвященном массовой культуре России конца XIX–начала XX в., его автор, российский культуролог В. Лебедева, указывает на постепенную трансформацию культурной политики советских властей в 1930-е гг. и на ее компромиссный характер: «Отказ от прожектерства в быту, от крайностей в «перековке» личности и формировании ее вкусов отличают 30-е годы от 20-х ... Открытие благотворного значения повседневности — одно из важнейших открытий этой эпохи. Понимание быта как препятствия для реализации человека сменяется оценкой его особой значимости в жизни человека»¹⁸.

С этого момента, по существу, начинается попытка синтеза «массовой» культуры западного индустриального общества, советской идеологии и традиционной культуры русского крестьянства, в которую исторически было погружено большинство тогдашнего населения.

В изобразительном искусстве и литературе это привело к созданию так называемого «метода социалистического реализма», подходы к которому А. Луначарский искал еще в начале XX века. А в 1932–34 гг. в советской прессе Союзу писателей СССР были предложены критерии этого метода:

«Мы не отрываемся от действительности. Мы признаем действительность как арену нашей деятельности, как материал, как задание... Социалистический реалист понимает действительность как развитие, как движение, идущее в непрерывной борьбе противоположностей. ... Подлинно революционный социалистический реалист — человек напряженных эмоций, и это придает его искусству огонь и яркость красок»¹⁹.

¹⁷ XVII Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): 26 января –10 февраля 1934 г. Стенографический отчет // М., Партиздат, 1934. С. 30.

¹⁸ Лебедева В.Г. Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века // СПб, Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2007. С. 270. (356 с.) ISBN 978-5-288-04336-9

¹⁹ «В чем заключается социалистический реализм? Прежде всего это тоже реализм, верность действительности. Мы не отрываемся от действительности. Мы признаем действительность как арену нашей деятельности, как материал, как задание. Но этот реализм дает описание человечества со всеми темными эпизодами, которые были, со всеми ужасами феодального и буржуазного рабства или жестокостью наступающего или отстаивающего свое существование капитализма... Нам чуждо мелкобуржуазное отрицание действительности, мнимая борьба с ней путем ухода в мнимо-свободную фантастику. ... Социалистический реалист понимает действительность как развитие, как движение, идущее в непрерывной борьбе противоположностей. ... Подлинно революционный социалистический реалист — человек напряженных эмоций, и это придает его искусству огонь и яркость красок».

Доклад А.В. Луначарского на 2-м пленуме Оргкомитета Союза писателей СССР 12 февраля 1933 года.

Новое направление для искусства и литературы было официально задано в том же 1934 году на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей. По определению, которое дал в своем выступлении М. Горький, «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он, сообразно непрерывному росту его потребностей, хочет обрабатывать всю, как прекрасное жилище человечества, объединённого в одну семью»²⁰.

Как можно видеть, в основе нового метода (или стиля) лежала задача отображения реальности в процессе ее трансформации силами участников строительства нового жизненного уклада, который мыслился как более справедливый, творческий и свободный от изъянов предшествующей формации. Этой задаче были подчинен и выбор сюжетов, и выразительные средства визуальных искусств и литературы. От съезда к съезду идеологические органы подчеркивали необходимость отображения в искусстве достижений передовиков производства, военных, спортсменов и деятелей науки. С наибольшей полнотой данная функция советского массового искусства выразилась в создании ВДНХ, призванной представлять в современной реальности образ ближайшего будущего — изобильного и благополучного. Выставка быстро приобрела огромную популярность, а «соцреализм» в изобразительном искусстве, как новаторский для своего времени проект, вполне оправдал себя и более того — имел большой успех и влияние на умы последующих поколений не только в СССР, но и за рубежом.

Неожиданная «живучесть» советского искусства объясняется не столько «ностальгией по тоталитаризму» (граждан, в сознательном возрасте заставших расцвет «соцреализма», сейчас ничтожное меньшинство) сколько весьма востребованным сейчас позитивным отношением к жизни, реалистичностью образов и высоким профессионализмом художников. Если выбор сюжетов в СССР часто диктовался задачами партийного и государственного строительства, то композиция, колорит и живописная проработка образов оставались на усмотрение автора и зависели от широты его художественного кругозора — что не исключало необходимости прохождения «идеологических фильтров» для участия в выставках, конкурсах.

В свете сказанного выше, представляются не слишком обоснованными претензии, предъявляемые к произведениям, созданным в стиле (или «методом» — если считать этот теоретический спор не законченным) «соцреализма». Говоря о чрезмерной приверженности реалистическому копированию природы и об идеологической ангажированности признанных мастеров 30–50-х гг., их критики

Впервые по обработанной стенограмме напечатан с сокращениями в «Литературной газете», 1933, № 10, 28 февраля (под названием «Пути и задачи советской драматургии»); в более полном виде — в журнале «Советский театр», 1933, № 2–3, февраль–март (под заглавием «Социалистический реализм»). Печатается по тексту журнала «Советский театр».
<http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticskij-realizm/>

²⁰ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет, 1934. С.17.

забывают, что ряду жанров ангажированность свойственна изначально: таковы парадный портрет, «салонная» и «батальная» живопись, некоторые виды графики – книжная иллюстрация к детской дидактической литературе, политическая газетная карикатура. С другой стороны, способность художника правдоподобно воспроизводить натуру с помощью соответствующих материалов долго была и общепринятым мерилем его квалификации, и его основной задачей, поскольку вплоть до 30-х гг. XX века технической замены полихромной живописи не существовало. Распространение цветной фото- и киносъемки, начавшись в 30-е гг., было прервано мировой войной, после которой благосостояние в странах-участницах (за исключением США) восстанавливалось, по крайней мере, десятилетие. В течение этого времени цветная фотопечать оставалась дорогим удовольствием, и только после того, как это средство фиксации реальности стало общедоступным, т.е. в 60–70-х гг., художественный мейнстрим в развитых странах смог полностью погрузиться в эксперименты.

Адресуемые «соцреализму» упреки в «лакировке действительности», «уводе зрителя в мир несбыточных мечтаний о будущем», по сути, направлены против одной из главных функций визуального и литературного творчества как такового, а именно – против создания «параллельной» художественной реальности. Да и «нежелание отражать мрачные стороны жизни», было свойственно не только советским живописцам, писателям и режиссерам – по крайней мере, в течение двух десятилетий «happy end» был практически безальтернативным завершением фабулы в Голливуде. Фактически предписанный в обоих случаях авторский оптимизм нужно рассматривать с учетом стремления правительств и общественных организаций снизить критичность зрителя и сориентировать общество на предощущение лучшего будущего в условиях кризисных предвоенных и военных лет (так, Кодекс американской Ассоциации кинопроизводителей 1930 г., известный также как «Кодекс Хейса», предписывал избегать изображения «греха, непристойностей, преступлений и богохульств»).

Е. Воскресенская вслед за Е. Добренко пишет о том, что основная задача соцреализма заключалась не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы изменить его: «Е. Добренко в рамках функционального подхода предлагает интересную концепцию: он полагает соцреализм, важнейшую социальную институцию сталинизма, институцией по производству социализма; основной функцией соцреализма являлось создание советской реальности»²¹.

Как видно, оба автора – цитируемый и цитирующий – почти буквально передают смысл партийных постановлений, призывавших творческую интеллигенцию к участию в строительстве социализма путем пропаганды

²¹ Добренко Е.А. Политэкономика соцреализма // М.: Новое литературное обозрение, 2007, 592 с. ISBN: 5-86793-482-9 ; Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», 2012, № 2., Разд.1. Теоретические вопросы общего языкознания. Воскресенская Е.В. Искусство как средство миростроения: социалистический реализм (1930-е годы) // Художественная культура, 2018 №1. С.166–199. (с.182)

добросовестного труда, товарищеских отношений в быту и на производстве, бережного обращения с общественной собственностью и т.п.

Правда, затем оба автора делают весьма неожиданный вывод: поскольку задачей «соцреализма» является «производство социализма через переработку «реальности» в идеологически значимый продукт», то «побочным эффектом этого производства является дереализация повседневности: для того чтобы предстать в виде социализма, наличная реальность должна перестать существовать» — что, на наш взгляд, и неправомерно, и непоследовательно. Неправомерно — потому, что политическая агитация составляла лишь часть (притом, меньшую) советской визуальной культуры; большая часть была посвящена индустриальному и сельскохозяйственному производству, санитарии, соблюдению приемлемых поведенческих норм в быту, пропаганде грамотности и здорового образа жизни — то есть, в значительной мере, тому, что в настоящее время считается вполне допустимым продвигать с помощью «подталкивающих» технологий: улучшению материальной стороны жизни.

А непосредственно — потому, что провозглашая «соцреализм» одним из проявлений массовой культуры, бессмысленно критиковать его за отсутствие экспериментальных способов авторского самовыражения, свойственных, например, французскому кубизму или немецкому экспрессионизму.

Как ни странно, яркую и почти исчерпывающую иллюстрацию социально-культурных проблем, с которыми сразу столкнулось новое руководство страны, приводит в своей книге Е. Добренко, цитируя «Были горы Высокой» — документальные записи рассказов обитателей уральской заводской слободы об их быте, семейной жизни, соседских отношениях и производстве²².

Около трети книги, по словам Е. Добренко, показывают всю «грязь и мерзость» прошлого — изнурительный труд, антисанитарию, нищету, высокую смертность, бесправие перед жестокими и унижительными наказаниями. «В описаниях повседневности — пишет он, — особенно выделяются бесконечные рассказы о зверских драках, пьяных убийствах, самоубийствах, травматизме ... Высокогорский рудник — один из многих «заводов и фабрик» в СССР — настоящая школа ненависти и насилия. Населяющие его люди чувствуют какое-то отвращение друг к другу и к жизни... Неизъяснимой злобой друг к другу пронизаны рассказы людей, проживших в одной слободе всю жизнь из поколения в поколение. Почти не встретишь во всей этой большой книге добрых слов людей друг о друге»²³.

Рассуждая о назидательном («репрезентативном») аспекте издания подобных материалов, автор подчеркивает, что задуманный с одобрения М. Горького контраст описаний дореволюционного и послереволюционного бытия в книге не удался: как следует из приводимых там сообщений, поведение рабочих в быту

²² Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника. О старой и новой жизни / Под ред. М. Горького и Д. Мирского. Изд. 2-е. // М.: История заводов, 1935.

²³ Добренко Е.А. Политэкономика соцреализма // М.: Новое литературное обозрение, 2007, 592 с. ISBN: 5-86793-482-9 (с.284–286)

и на производстве к началу 1930-х гг. оставалось прежним. Несмотря на некоторые внешние улучшения, снижение уровня эксплуатации само по себе не изменило отношение слобожан к труду и друг к другу.

Другая подборка свидетельств неготовности бывших социальных низов к культурной «городской» жизни и к работе с дорогостоящим оборудованием представлена в книге Н. Лебиной²⁴.

На основании большого количества документов 1920-х гг. она показывает, насколько преувеличенным и даже оторванным от реальности было представление революционной интеллигенции, и в т.ч. В. Ленина, о способности «освобожденного пролетариата» к отказу от спиртного, самодисциплине и самообразованию: после отмены сухого закона потребление алкоголя рабочими в Ленинграде выросло в 1924–28 гг. в 8 раз; доля расходов на алкоголь в рабочих семьях превышала долю расходов на печатную продукцию; по данным медицинского журнала, примерно треть рабочей молодежи в 1926 г. страдала алкоголизмом.

Настоящим бичом крупных городов стало хулиганство: нарушение общественного порядка, порча имущества (в том числе заводского), — а также воровство, драки и изнасилования. «В Ленинграде число приговоренных к различным срокам тюремного заключения за нарушение общественного порядка с 1923 по 1926 г. увеличилась более чем в 10 раз, а доля их в общем количестве осужденных выросла с 2 почти до 17 % — пишет Н. Лебина, — Основная масса хулиганов была моложе 25 лет. Это новая специфическая советская черта. Изменились и социальные характеристики преступников. Криминологи отмечали, что **«...хулиганит в основном рабоче-крестьянская молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, и главным образом на почве социальной распушенности, выражающейся в грубой примитивности интересов, в отсутствии культурных запросов и социальной установки, в крайне низком образовательном уровне»** (выделено мной — И.П.). По данным обследования 1926 г., рабочая молодежь составляла около $\frac{3}{4}$ всех хулиганов... Молодежные хулиганские шайки совершали набеги на клубы, громили дома отдыха на Островах, закидывали шапками, палками, камнями самолеты на парадах АВИАХИМА в дни Первомайских праздников».

Характерно, что осуждение хулиганов на небольшие сроки мало способствовало их перевоспитанию: обогатившись тюремным опытом, они на воле продолжали преступную деятельность в более изощренных формах, распространению которых способствовала скученность фактически безнадзорной молодежи в заводских общежитиях, часто представлявших собой деревянные бараки без всяких удобств. Учитывая масштаб и серьезность проблемы, советские суды с начала 1930-х годов стали рассматривать хулиганство и вандализм уже не как антиобщественное действие, а как «преступление против устоев социализма».

²⁴ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. <https://massolit.top/book/povsednevnyaya-zhizn-sovetskogo-goroda-normi-i-anomalii-1920%E2%80%931930/reading>

Приведенные выше свидетельства показывают, что возможность создания в сжатый срок новых отраслей и их нормальное функционирование в значительной мере зависело от ускоренного приобщения молодых рабочих к производственной и бытовой культуре индустриального города и требовало безотлагательной смены поведенческих стереотипов. Патерналистская политика государства в области культуры была призвана смягчить жесткие репрессивные меры и разрядить социальную напряженность, не доводя дело до «молодежных бунтов» — что ей с успехом и удалось.

Ввиду тогдашней малой технической оснащенности, основным видом воздействия на массовую аудиторию поначалу стало печатное (в виде газетной заметки) и устное (в виде «живых» лекций и радиотрансляций) слово, а также плакат. Их дополняли выездные спектакли, концерты, позднее — кинофильмы, и только к 1970-м гг. основной поток информации стал направляться через телевидение. Важной составляющей общественной жизни в СССР была также организация парадов, массовых праздников и спортивных соревнований — причем, различные виды культурной деятельности поддерживали и дополняли друг друга (фильмы о подготовке к праздникам и соревнованиям, праздники с участием известных актеров, спортсменов, летчиков и т.п.). В короткое время была создана сеть спортивных кружков и кружков технического творчества, детских музыкальных школ и народных хоровых коллективов, библиотек и читален. Их деятельность, в свою очередь, отражалась в фото- и кинодокументалистике, продвигалась с помощью печатного слова: в 1922 году было учреждено издательство «Молодая гвардия», а в 1933 — «Детская литература» («Детгиз»). Таким образом, при активной поддержке государства для учащейся и работающей молодежи была сформирована культурная среда, предоставлявшая возможности для разностороннего развития и активного отдыха.

Этот отечественный опыт представляется нам чрезвычайно ценным ввиду продолжающейся ныне концентрации населения в крупных городских центрах, осложненной к тому же имущественным расслоением и притоком мигрантов из бывших советских республик.

Обращаясь к историческому наследию западных стран, можно заметить определенное сходство в целях и методах между советским «культурничеством» (по выражению В. Ленина) и политикой «американизации» в США накануне и в годы Первой мировой войны, которую описывает в своей монографии историк З. Чертина²⁵:

«В 1915 г. в процесс американизации включились Бюро по образованию и Бюро по натурализации, а после 1917 г. и Комитет общественной информации. К ним присоединились многочисленные частные группы, торговые палаты, специальные организации, наиболее важным и влиятельным из которых был

²⁵ Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития в США // М., ИВИ РАН, 2000. 164 с. С. 48–49.

Национальный комитет по американизации (НАК), образованный в 1915 г. ... Кроме проведения курсов по изучению английского языка и гражданства, НАК занимался распределением иммигрантов по различным отраслям промышленности».

Среди прочих задач, сформулированных Комитетом, автор перечисляет следующие:

- разъяснение американских идеалов, традиций, стандартов и институтов гражданам иностранного происхождения;
- овладение американскими стандартами жизни, включая привыкание к американской кухне и метод ухода за детьми;
- воспитание национальной гордости и любви к Америке и желания иммигрантов остаться в Америке, иметь дом и поддерживать американские институты и законы;
- борьба с антиамериканской пропагандой и подавление попыток к мятежу;
- универсализация ценностей всех этнических групп в Америке с целью объединения их под одним флагом.

Учитывая, что в начале XX вв. в США ежегодно прибывало до миллиона мигрантов, масштаб проблем был сопоставимым. Характерно также и то, что основной акцент в политике «американизации» был в дальнейшем перенесен на государственные школы, где она осуществлялась, по крайней мере, до 60-х гг. XX века, после чего стала вытесняться «мультикультурализмом».

Насколько применимы в наши дни наработки XX века, показывает практика. Можно с удовлетворением констатировать, что большая часть культурных учреждений, основанных еще в советское время, сегодня востребована и продолжает функционировать. Покровительство культурным объектам мирового значения – таким, как Эрмитаж, музеи Московского Кремля, Исаакиевский собор в Петербурге, Большой Театр в Москве – является общепринятой практикой развитых государств, но целесообразно ли выводить на государственный уровень вопрос о массовой культуре?

На наш взгляд – не только целесообразно, но и необходимо, с поправкой на сегодняшнюю ситуацию. С каких бы позиций к массовой культуре ни подходить – исторических, искусствоведческих или социально-антропологических – очевидно, что она в большой мере определяет предпочтения, симпатии и общий настрой населения в конкретной стране, усиливая или ослабляя инициированные властью программы и отдельные мероприятия. Социальная обстановка в России сейчас, разумеется, не настолько тяжела и опасна, как в первое послереволюционное время, но немалая часть процессов, протекающих в русскоязычном информационном пространстве, не получает надлежащего освещения, не анализируется и не выносится на публичное обсуждение.

Принципиальное отличие современной РФ от СССР – отсутствие «железного занавеса», открытость зарубежным влияниям и проницаемость внутреннего

инфо-пространства. Это может рассматриваться и как новая уязвимость, и как сильная сторона, в зависимости от проводимой культурной политики.

То же самое можно сказать и в отношении неизмеримо более высокого, чем в раннесоветский период, образовательного уровня наших граждан. Очевидно, что эти два фактора исключают буквальное использование старых «рецептов». В то же время, новое «прочтение» старых традиций способно дать положительный результат – в этом смысле, большим успехом следует признать организацию праздничных шествий в память о Победе в Великой Отечественной войне.

Тем не менее, существующие в российском социуме проблемы необходимо выявлять и находить для них решение, не дожидаясь накопления критической массы. Буквально в последние годы мы были свидетелями таких явлений в молодежной среде, как:

- образование интернет-групп, пропагандирующих суицид;
- проникновение криминальных порядков в школьные коллективы;
- попытки убийства группы соучеников в стенах учебного заведения.

И это – явное свидетельство неблагополучия.

Опыт недавнего прошлого показывает, что тяготы, которые невозможно устранить быстро и в полном объеме, могут быть значительно смягчены посредством воздействия на культурный фон и ценностные установки подверженного им социального слоя. А главные трудности сегодняшней молодежи – это:

- отсутствие гарантированной занятости, проблемы с трудоустройством;
- эмиграция наиболее успешных;
- социальная пассивность менее успешных, эскапизм (ретритизм);
- семейная нестабильность;
- недостаточная обеспеченность жилплощадью;
- нездоровый образ жизни, вредные привычки.

Конечно, тяжесть их проявления сейчас далеко не та, что при НЭПе, но и уровень притязаний у населения несравненно выше. Возможно, подходит время ставить перед СМИ задачу адекватного информирования и воспитания молодежи и усиления государственной поддержки соответствующих творческих коллективов и авторов. Однако речь не может идти о примитивной ориентации деятелей культуры на некритический подход к негативным сторонам жизни, на возврат к политической апологетике.

I. Petrova (e-mail: irkonst17@yandex.ru)

Ph.D. in History, Associate Professor at Moscow State Technological University (MSTU) STANKIN (Moscow),

Senior Researcher at the Institute of Economics, RAS (Moscow)

POPULAR CULTURE AND STATE PATERNALISM: ON THE IMPACT OF CULTURAL POLICY ON THE FORMATION OF BEHAVIORAL STEREOTYPES AND VALUES

The article raises the question of the need for scientific research of various aspects of current mass culture in the Russian Federation, its specific features and development stages in the Soviet era are discussed, as well as the views of some contemporary authors in this area.

Keywords: popular culture, mass culture, cultural policy, state paternalism, social and political stereotypes, urbanization, soviet visual arts, “social realism” style, government order.

DOI: 10.31857/S020736760012972-8